

русская реконкиста

**ЕВГЕНИЙ
НИКОЛАЕВ**

**МОЯ
НОВОРОССИЯ**

записки добровольца

РЕДАКЦИЯ
КНД

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6-445
Н63

Серия «Русская Реконкиста»

Разработка серии и дизайн В.А. Воронина

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Николаев, Евгений

Н63 Моя Новороссия. Записки добровольца / Евгений Николаев. — Москва: Издательство АСТ; Редакция «КПД», 2026 — 352 с. — (Русская Реконкиста).

ISBN 978-5-17-172944-8

Книга Евгения «Гайдука» Николаева, революционера, волонтера и воина, — замечательный микс фронтального дневника, политического травелога и философского трактата, объединённых географией Новороссии как в исторической, так и футурологической перспективе.

Но главное в этой работе — настоящее, первое в своём роде народное, низовое осмысление идущей третий год войны за Новороссию, оппонирующее и пропагандистским клише, и обывательскому цинизму. Чрезвычайно рельефно, цельно и убедительно при таком подходе к материалу выглядят окопные реалии, романтические воспоминания, историософские размышления.

Книга Николаева заставляет вспомнить лучшие образцы этого своеобразного жанра — «Памяти Каталонии» Джорджа Оруэлла и «Убийство часового» Эдуарда Лимонова.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6-445

ISBN 978-5-17-172944-8

© Евгений Николаев, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ГЛАВА 1
ВОЙНА: ЦВЕТ СМЕРТИ

Чёрными и белыми они станут позже

Какой цвет у нас ассоциируется со смертью? В народной памяти и культурном коде эти цвета понятны и известны. Чёрный траурный платок. Бледный как смерть. Лицо блеее савана. Зелёная рожа ожившего мертвеца. Вроде весь список перечислил.

Но в моем представлении смерть тёмно-оранжевого цвета. Кирпичного.

Но не красный кирпич, а грязно-оранжевый. Именно такого цвета погибшие на жаре. Чёрными они станут позже. Белые кости вообще появятся через пару месяцев. А пока они грязно-оранжевые.

Бесстыдно вылезают из одежды самыми интимными местами. И словно отдыхают от волнений этого мира. Лежат в высшей степени расслабленно. Вот он, вечный покой.

А вот череп и зубы действительно белоснежны. Удивительно, как мала эта костная коробка. Объём, который добавлял мясо, ушёл

и остаётся основа. То, что омываемое дождями и обжигаемое солнцем, пролежит на земле годы. Небольшой ящик с дырами глазниц, белозубая ухмылка и ёжик коротко стриженных по армейской моде волос.

И сразу становится ясной причина войн на Земле. Небольшой объём черепа не позволяет вместить в него мир. Такие дела.

И да, я видел Брэдли. Ничего особенного, просто кусок обгорелого железа...

Пятьдесят оттенков серого

Война нынче пошла высокотехнологичная. Каждый километр ЛБС (линии боевого соприкосновения) напичкан камерами, сигналками, анализаторами...

Ночью камера показывает не темноту, но серую картинку. Серое всё: трава, деревья, люди, небо. Царство луны и смерти. Только глаза бродячих и диких животных не серые, а алмазные. Они блестят в сером окружении, как бы подчёркивая, что их носитель жив и этим отличается от серого-неживого.

К рассвету серость на камерах становится чётче и суровее. Строгие чёрные силуэты наполнены сто процентной серостью. Вот как выглядят пятьдесят оттенков серости на ЛБС, а не это ваше...

И вдруг лишний солнечный луч решает всё. Изображение на мониторе на мгновение расплывается, и мир становится цветным. Сначала расплывчатым и юным, несуразные разноцветные пятна, но уже наполненным зеленью, светом, небом, жизнью. Затем «картинка» восстанавливается, и Украина раскидывается перед тобой во всём своём великолепии. Не вся, а лишь небольшой участок фронта.

Но разве этого мало? Разве это не повод для радости и безудержного счастья? Именно ты сегодня жив. Именно ты сегодня в 04:10 утра увидел, захватил и присвоил эту метаморфозу тихой украинской ночи. В этом смысле русская армия оккупирует краски жизни Украины.

Но только в этом.

«Полки»

Что такое «полка»? Это кровавое наследие тоталитарного совка. Проклятые коммунисты высаживали в степях лесные насаждения, чтобы степные почвы не эродировали и не выветривались. Лесополосы шириной десять-пятнадцать метров, пять-семь деревьев в разрезе и кустарник между ними. Никто из коммунистов не планировал воевать в них с хохлами, это был чисто хозяйственный вопрос. Хотя среди укров бытуют и такие мнения, мол, дотянулся кровавый Сталин, а вот не было бы по-

лок, мы бы москалей в чистом поле давно разворошили уже.

Когда попадаешь на незнакомую «полку», в первую очередь надо посмотреть наличие блиндажей и укрепов. На случай артобстрела или дрон-налета. А во-вторых? Во-вторых, нужно выяснить, в какую сторону направлены выходы из этих нор. Дело в том, что направление выхода из окопа — это серьёзный маркер их принадлежности. Мы копаем укрепления выходом к нашему тылу, укропы соответственно к своему.

Если выход у норы в сторону противника, значит, мы на взятой (или ещё не взятой) полке неприятеля. Это и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что ещё на сотню метров ближе к Победе. Хорошо, потому что можно «помародёрить» импортный хабар, брошенный украинцами (отличные бронежилеты, форма, девайсы...). Плохо, потому что предстоит много работы. Обследовать местность. Провести оборонные мероприятия. Сапёрные работы. Разминирование. Плохо, потому что вокруг лежат трупы и очень скоро они начнут пахнуть.

Кстати, на определённых этапах биологических процессов запах разлагающегося поляка и запах цветения акации практически идентичны. Удивительно, но факт. Особенно если акаций много. Если наших павших мы выно-

сим за многие километры, то «немцев» мы не хороним, особенно если это поляк. Они лежат там, где их нашла смерть. Иногда это неприятно. Особенно тогда, когда хочешь занять действительно качественный и удачно сооружённый блиндаж, а там, раскорячившись, лежит жолнеж и от мух не продохнуть. Даже если его вытащить, находиться в этом «помещении» ещё долго будет нельзя. Всё пропитано липкой европейской плотью. Обидно!

Но времени терять тоже нельзя. Нужно срочно искать укрытие на ночь. Потому, что если днём ты уязвим для «птичек», то ночью ты уязвим вдвойне. Днём она видит тебя, а ты видишь её. Шансы есть. Ночью ты её только слышишь, а она видит тебя в тепловизор. Поэтому единственный вариант — это уйти под землю. Раньше бытовала шутка, что война — это как Дикий Запад. Солдат должен бегать как лошадь и стрелять как ковбой. Этого недостаточно. Солдат — это человек с лопатой. Это человек-крот. Человек-землеройка. Я, например, могу выкопать себе убежище на ночь за два часа. Засекал.

Спичка

Тагташ выбежал из блиндажа, бросил «покемона» на его крышу и начал строчить по сигналам из положения лёжа. Я наблюдал и корректировал, глядя в тепловизор.

Два укра заметались по полю под пулемётными струями очередей, пытаясь добраться до укрепления. Не пригибаясь, не падая на землю и не сбрасывая тяжелых рюкзаков, они походкой зомби из фильмов медленно извивались в танце смерти, волоча за собой ноги.

Наконец пуля чиркнула по одной из сигнатур, и укроп вспыхнул, превратившись в бегущий костёр. Видимо, в рюкзаке были канистры с бензином. Вторая светящаяся на экране тепловизора красная тень обернулась на горящего и, сбросив рюкзак, как в замедленном видеорежиме побежала в укрытие. Брошенный рюкзак вспыхнул секунду спустя.

Тепловизор не показывал уже ничего, кроме белого пламени на сером фоне. По полю бегал горящий человек, пытаясь скинуть с себя прикипевшие к нему клочки синтетики.

— Добей его, — попросил я Тагташа. — Не мучай его, добей!

Тагташ, вскочил на ноги и, издав дикий индейский крик, начал стрелять в сторону укропских позиций. По двуногому факелу он и не думал целиться.

— Пусть горит, мне вдоль хуя, мне вдоль хуя, пусть горит! — повторял он, пока не расстрелял весь БК. — Ты что, не видишь, они под наркотой? Им не страшно и не больно. Они даже

не знают, что умирают. Смотри, этот даже не кричит! Горит, плавится, теряет кожу, волосы, глаза... но не кричит.

«Факел» упал на землю. И стало темно. Таг-таш пошёл пить чай, предупредив:

— Второй пойдёт обратно, позови меня.

Я продолжил наблюдение в тепловизор. Деревья, трава, кусты светились в его окуляре кроваво-красным цветом. И только небо было холодным и серым. То ли от нагрузки на глаза из-за использования дешёвого китайского «теплака», то ли из-за ночного ветра или из-за чего-то другого, но из глаз потекли слёзы.

Щенок

У моей «норы» медленно и мучительно умирал щенок.

Обычный сельский «дворянин» пегого окраса, с висящими ушами и умильными глазками. Он прибежал к нам на позицию из соседней деревни. Люди ушли из неё от войны, а в одиночестве щенок жить не захотел.

Перебегая открытку, щенок попал под обстрел из 120-х миномётов. Укроп лупил по полю в тот день долго и остервенело. Зачем? Кто же его поймёт? Вряд ли они целились в щенка, считая его «зрадником» и сепаром. Но попали.

Щенку оторвало задние лапы и располосовало спину до лёгких. Он дополз до моей норы из последних сил, надеясь на помощь людскую. Он смотрел на меня и, казалось, говорил: «Вот он я, весь перед тобой. Излечи меня! И я буду вечно твоим спутником в этом страшном мире...» Щенок верил в моё людское всевластие и силу.

Он лёг в кучу мусора и стал ждать чудесного выздоровления и последующей игры, и сытного обеда, и почёсывания за ухом, и добрых слов «ах ты, маленький засранец».

Видимо, собачье ухо не различает фонетической разницы между русским языком и суржиком. В этом собаки похожи на нерусские народы. Один наш военный из сибирских татар так мне и сказал, что разницы между русскими и украинцами он не видит. Мы все для него — «уруссы».

Я не мог излечить собаку. Не колол ему человеческих лекарств. Не перевязал его. Даже пристрелить его у меня не поднялась рука.

Я только укрыл его трясущееся тельце спальником и следил, чтобы крысы не начали разбирать его ещё живого. И говорил с ним. И смотрел ему в глаза.

Он умер в тот момент, когда на его правый глаз села большая зелёная муха, а у него не хватило сил, чтобы моргнуть.

Казак

Заехали они к нам в часть одновременно. Оба добровольцы. Оба с Урала. Оба из казаков. Они как будто подтверждали фактом своего существования, что казачество — это не национальность, а сословие, так были они непохожи. Один был как рыхлый бледный пельмень, а другой напоминал чёрный армейский штык-нож. «Пельмень» взял себе позывной Пересвет, обозначив себя как православного. Что для казаков не является чем-то особенным. Второй — «колючий», черноволосый, стройный и резкий в словах и движениях — указал называть себя Лешим. В нём явственно горел огонёк разинских анархических мятежей. И это для казачьего люда не новость.

Пересвет часто приходил ко мне в кубрик, вяло перебирая своими ватными ногами по комнатам ПВД*, и вёл со мной душеспасительные разговоры. Это он так отдыхал от кроважидности Лешего. Леший же, обвешанный холодным и огнестрельным, бесцельно метался по длинной «взлётке» коридора и вслух мечтал об ожерелье из укропских ушей. Поначалу мне

* ПВД — пункт временной дислокации.

казалось, что это злая разбойничья шутка. Но потом, убедившись в том, что чувство юмора не входит в добродетели Лешего, начал читать ему морали и обещал прострелить ему левую коленку, если увижу подобное непотребство. Он дико щерился и уверял меня, что всё сделает тихо. Так, что я даже не замечу.

В среду пришла команда «понос». Это когда вышестоящее начальство обосралось и русскому воину прибрать за ним придётся срочно.

На этот раз нужно было срочно отправиться брать очередную «Херяновку». Это мелкое степное местечко пробовали взять уже раз двадцать. Разные «пидроздилы» и баты. Получалось не очень. Пару раз удавалось закрепить-ся, но потом оттуда наших снова выбивали. Про это село пошла дурная слава. Там полегло немало добрых русских людей.

Узнав про поставленную задачу, казаки поступили совершенно по-разному. Колючий и острый Леший стал мягким и податливым как пластилин. Он запятисотился. Разорвал контракт и сдриснул домой. Пересвет же оказался пельменем из стали. Загрузил своё рыхлое тело в старый УАЗ и поехал на БЗ.

Удивительно, но в этот раз эту сраную «Херяновку» взяли «на лайте». Хорошо поработала арта, предварительно забрали высоты и об-

ходную балку. Потерь не было. Пересвет долго ехал, потом долго шёл, потом долго полз, потом немного бежал, немного стрелял и немного кричал. Это всё, что он делал в тот день. Не более. Его не наградят за тот бой. Но если бы спросили меня, то я бы сказал, что Пересвет настоящий казак, а Леший... Чепуха, а не казак!

Дети

Мы шли по утренней серости через незнакомые нам полки, на точку randevu. Карты у меня не было, приходилось рассчитывать на свою память. Наша группа состояла по большей части из детей лет двадцати — двадцати двух, для которых это был первый боевой выход. Это внушало оптимизм.

Неожиданно на небо выпрыгнуло солнце и осветило всё кругом. Мы явно запаздывали. Это ничего, подумал я, солнце встаёт обычно с востока, оно сейчас слепит украм глаза и видеоаппаратуру. Нас ещё не видно. Держа дистанцию в тридцать метров, мы растянулись вдоль живописного озера, поросшего по берегам высоким тростником. Красиво и тихо. И безопасно.

Тростник скрывал нас с головой. Вся земля под ногами была набита суббоеприпасами: лампочки, лепестки, колокольчики, стрелы